

Кем. правда. - 1993 - 18 сент. - с. 3

Интеллигент — не профессия

Булат Окуджаву:

Ему почти 70, а он покидает уютную столичную квартиру и мчится за тысячи километров в сибирскую глухомань, в центр Кузбасса. Ну что заставило поэта ехать в Топки и Юргу!

— Любопытство. Потому что в больших городах, даже сибирских, мне побывать несложно. А вот в маленьких провинциальных — практически невозможно. А жизнь короткая, хочется все узнать и увидеть. Я вообще не знал, что есть на свете такие города. Теперь вижу, что здесь живут очень симпатичные люди — может, мне просто повезло, потому что на мои концерты ходят единомышленники? Радует, что сибиряки сохраняют спокойствие и здравый смысл — хотя в нынешней ситуации, когда вокруг столько горя и трагедий, многие в отчаянии заламывают руки, есть элемент истерики в обществе...

— Булат Шалвович, не отказываетесь ли вы от себя вчерашнего? Вы фронтовик, были членом КПСС, в песне о «той единственной гражданской» вы воспевали «комиссаров в пыльных шлемах», а что же теперь?

— Я никогда не отказываюсь от себя. Вчера я жил по законам вчерашнего времени, так, как меня воспитало время, и судить меня надо тоже по вчерашним законам. Я о чем-то могу сожалеть, грустить, но отказываться не отказываюсь и ничего не переделываю. Я с детства был очень «красный» мальчик, я ненавидел капиталистов и обожал коммунистов. Это было все всерьез. Да и среди коммунистов было немало хороших людей, искренне заблуждавшихся. Но вот произошел шок. Нас многое поразило из того, что открылось. Нас ведь воспитывали победителями, мы привыкли считать себя самыми лучшими в мире. Оказалось, мы такие же, как все, обыкновенные, и это нас потрясло... Как нам выбраться, я не знаю. Как говорил Чехов: «Умный любит учиться, а дурак учить». К сожалению, мне кажется, что мир спасет страдание, только оно заставит людей остановиться и опомниться...

Судьба этого человека не наполнена трагическими перипетиями, как, к примеру, жизнь Высоцкого, считавшего себя его учеником, Галича, считавшего его другом, многих его сверстников, не так благополучно прошедших войну и коммунистическое правление. И потому, когда Булат Шалвович рассказывает, как с ним боролись, это выглядит даже забавным:

— В 1956 году один из моих друзей случайно показал мне три аккорда на гитаре. Я попробовал, мне понравилось. И тут же я придумал нехитрую мелодию к одному своему стихотворению. Спел его под аккомпанемент гитары. Человек стеснительный, никогда не думал, что придется выступать публично. Но друзьям понравилось. Мне было приятно их внимание, и я тут же спел два стихотворения. А в это время появились первые магнитофоны — громадные ящики, и меня записали. А кто-то переписал... так месяца через два я стал знаменитым человеком. Проходя по улицам Москвы, иногда слышал, как кто-то поет мои песни. Или мой голос звучал. Это немного кружило голову. И все было нормально, пока песни не приобрели широкую

популярность, даже размах... Тогда со мной власти начали бороться. Во-первых, непонятно, кто такой? Может быть, женщина — потому что Окуджаву, а не Окуджав, тогда почему с усами? Во-вторых, песенки странные, грустные, куда не зовут, ничему не учат. Начали про меня писать фельетоны, в которых были такие строчки: «...на сцену вышел странный человек и запел пошлые песенки. За таким поэтом девушки не пойдут. Девушки пойдут за Твардовским, Исаковским...» Такой вот был способ определять качество литературы: за кем девушки пойдут.

— Почему же ваши песни стали знаменем эпохи? Почему фронтовики пели — «Нам нужна одна победа», молодежь — «Надежды маленький оркестрик».

— Потому что так совпало по времени. Мои настроения совпали с настроением эпохи. И все. И потому мои песни считали открытиями. Я не преувеличиваю свою роль. Если бы я пришел сегодня, может быть, меня бы просто не заметили. Я никогда не обольщался. И раньше из 3 тысяч в зале истинных ценителей было человек 200. Потом поэтический и песенный бум кон-

чился, и остались истинные ценители. Меняется ли аудитория? Я не знаю. Вопросы всегда задают примерно одинаковые. А вот я меняюсь в лучшую сторону. Я счастлив, потому что живу, как бы трудно ни было. О смерти не думаю, я думаю только о сегодняшнем дне — может, потому что я — легкомысленный грузин?

— Кстати, вас не задевают записки с вопросами о вашей национальности?

— Мне не очень приятно говорить на эту тему, но я скажу. Для меня национального вопроса не существует. Есть хороший человек и плохой человек. По матери я армянин, по отцу грузин, а по происхождению я арбатский человек, воспитанный на русской культуре. И считаю себя русским литератором. Мои литературные учителя — Пушкин, Толстой, Пастернак, Набоков, в прозе еще — Эрнст Теодор Амадей Гофман, был такой замечательный немецкий писатель-романтик. Вообще я начинал с подражания Пушкину, затем Пастернаку... Очень часто я чувствую себя гораздо более русским, чем люди, носящие русскую фамилию. Например, когда я слушаю выступления Анпилова или Бабурина, я думаю — я гораздо более русский человек, гораздо...

— А по отношению к политикам чем вы прежде всего руководствуетесь?

— Я не берусь никого судить, никому давать оценок. Я могу говорить только о своих личных симпатиях или антипатиях. Скажем, Тулеев мне несимпатичен — я не уважаю в людях невежество, отсутствия культуры, тем более в руководителях...

— А кого вы считаете истинными интеллигентами? Есть у вас собственное определение интеллигентности?

— Интеллигент — это не профессия, ато прежде всего состояние души. Это человек, жаждущий знаний, которые

он может принести на алтарь Отечества, а не использовать только для себя лично. Это человек, который против насилия. Поэтому Ленин не может называться интеллигентом, он просто образованец. Интеллигент уважает личность — вообще уважение к личности на Руси большая редкость...

— Когда-то вы призывали «взяться за руки, чтоб не пропасть поодиночке», а теперь каждый стремится выжить именно в одиночку...

— Я на эту тему даже написал новые строчки:

Взяться за руки не я ли
Призывал вас, господи?
Отчего же вы не

вслушались
В слова мои, когда
Кто-то резко наши души
Друг от друга уводил?
Чем же я вам не потрафил,
Чем я вам не угодил?

Было, да. Я заметил, что нас разводит время, обстоятельства. Было горько. Ну что ж, надо приспосабливаться к новым условиям, это во-первых. А во-вторых, нас окончательно развести никто не может. Разве истинных интеллигентов можно друг от друга оторвать, хотя они и живут, и работают поодиночке? У меня осталось несколько верных, надежных друзей — они инженеры-строители, друзья они единожды и навсегда. Друг в литературе — Белла Ахмадулина, уже много лет.

— Булат Шалвович, вы получаете какой-то очень «правильный»... Нет ли у вас каких-нибудь недостатков, с которыми вы боретесь?

— Недостатков у меня очень много. Я с грустью о них думаю — например, лень, легкомыслие. Мне очень нравятся женщины, стараюсь быть по отношению к ним рыцарем, но не всегда получается, не хватает сил, настойчивости...

— Вам, наверное, достаточно пропеть им пару песен — и они ваши...

— Мне не нравятся женщины, которые влюбляются в мои произведения, а не в меня. Это скорее почитательницы, это совсем другое...

...В общении Булат Шалвович такой, каким и представляешь себе настоящего российского интеллигента, может быть, того самого сельского учителя (кстати, он и учительствовал после войны в деревне) — тихий, деликатный, с пронзительно грустными глазами, весь святящийся доброжелательным уважением к собеседнику. И при этом... всегда умело поворачивающий беседу в нужное ему русло, уходящий от острых углов и конфликтов тем.

— Булат Шалвович, не стало ли ваше семейное трио новой формой эстрадно-коммерческого бизнеса?

— Нет, тут иное. Я же выступаю крайне редко — 3—4 раза в год, это мое хобби, а не средство для заработка. С сыном я стал ездить два года назад, когда я понял, что уже отпелся. Мне стало неинтересно то, что я делаю, новых песен я давно уже не пишу. А когда я стал петь под аккомпанемент сына, меня это обновило, мне показалось, что это интересно — он создает такой своеобразный музыкальный антураж. Мы выступали в Америке, Польше. Антон — профессионал, закончил музыкальное училище при консерватории, пишет музыку к фильмам... А жена мне помогает как администратор, мне чужды все эти организационные вопросы... Но главное место моей работы — письменный стол.

— Что сейчас на нем находится?

— Книги, газеты. Писать не могу, пока не дождусь выхода в свет нового романа. Это будет «Упраздненный театр» — в 9—10-м номерах журнала «Знамя». Автобиографическая вещь. Надеюсь, это будет интересно.

Беседовала
Татьяна ЧЕРКАСОВА.